

DOI: 10.12731/2658-4034-2025-16-5-840
УДК 159.9:316.477:316.614:316.602:316.628

EDN: QWLWUZ

Научная статья | Общая психология, психология личности, история психологии

ЧТО ОБУСЛАВЛИВАЕТ РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ БРАКОВ?

Т.Н. Кочеткова

Аннотация

Обоснование. Внебрачные союзы превратились в широко распространенное в обществе явление, прочно ассоциируясь с нестабильностью партнерств, бездетностью или малодетностью, получением социальных субсидий на несовершеннолетних детей, ввиду неполного состава семьи или отсутствия признанного отцовства.

Цель – выявить мотивы выбора незарегистрированного брака.

Материалы и методы. Работа носит теоретико-эмпирический характер, базируясь на анализе научных публикаций, данных Росстата, результатах проведенного эмпирического исследования. Объем выборки: 242 чел. Средний возраст мужчин – 32.4 ± 2.4 , женщин – 29.7 ± 1.7 . Методы исследования, применяемые в работе: тестирование, опрос, беседа, вторичная статистика – корреляционный анализ, критерии достоверности.

Результаты. Женщины со средним образованием предпочитают внебрачному союзу законный брак. Готовность к официальной смене брачного статуса как мужчины, так и женщины, планируют не ранее 30 лет. Выбор сожительства приходится на возраст после 37 лет, если не сложилась личная жизнь. Высокий уровень дохода – основа партнерского лидерства. Преобладающие мотивы выбора незарегистрированного брака: улучшение материального положения, решение социально-бытовых проблем, социальное давление, эмоциональная поддержка, удовлетворение сексуальных потребностей, желание избавиться от одиночества. Прагматичное отношение к избраннику/избраннице, эгоцентризм, экстернальность – частые причины, приводящие к

разрыву союза. Рост неофициальных браков обусловлен низкой экономической безопасностью, негативным примером собственной родительской семьи (неполный или повторный состав семьи для одного или обоих родителей, малодетность, обесценивающее отношение, сопровождающее супружеские/партнерские контакты).

Ключевые слова: незарегистрированный брак; мотивы выбора «гражданского» брака; экономическая опасность; демографическая проблема; уровень образования

Для цитирования. Кочеткова, Т. Н. (2025). Что обуславливает распространённость незарегистрированных браков? *Russian Journal of Education and Psychology*, 16(5), 542–559. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-5-840>

Original article | General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

WHAT DETERMINES THE PREVALENCE OF UNREGISTERED MARRIAGES?

T.N. Kochetkova

Abstract

Background. Non-marital unions have become a widespread phenomenon in society, firmly associated with partnership instability, childlessness or low number of children, and with families receiving social subsidies for children due to an incomplete family composition or absence of acknowledged paternity.

Purpose – to identify the motives for opting for an unregistered marriage.

Materials and methods. The study is of a theoretical-empirical nature, based on analysis of scientific publications, Rosstat (Federal State Statistics Service of Russia) data, as well as the results of the conducted empirical study. Sample size: 242 persons. Mean age of men – 32.4 ± 2.4 , of women – 29.7 ± 1.7 . Research methods applied in the work were as follows: testing, survey, interview, secondary statistics, i.e., correlation analysis, criteria of reliability.

Results. Women with secondary education prefer a legal marriage to a non-marital union. Willingness to officially change marital status is planned by both men and women not earlier than at the age of 30. People tend to

opt for cohabitation after the age of 37 if they have not settled their personal life. A high level of income is the prerequisite of leadership within the partnership. Predominant motives for opting for an unregistered marriage include improvement of material situation, resolution of social and household problems, social pressure, emotional support, sexual needs satisfaction, urge to get rid of loneliness. A pragmatic attitude toward the chosen partner, egocentrism, externality are frequent reasons leading to dissolution of such unions. The increase in the number of unregistered marriages is conditioned by low economic security, the negative example of one's own parental family (single-parent or reconstituted family for one or both parents, low number of children, devaluing attitudes accompanying spousal/partner contacts).

Keywords: unregistered marriage; motives for choosing cohabitation; economic insecurity; demographic issue; level of education

For citation. Kochetkova, T. N. (2025). What determines the prevalence of unregistered marriages? *Russian Journal of Education and Psychology*, 16(5), 542–559. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-5-840>

Введение

Незарегистрированный брак (сожительство, конкубинат, «гражданский» брак, партнерство) стал привычной частью нашей жизни, утратив в глазах большинства отличия с официально оформленным союзом [2; 4; 7; 12]. Численность сожителей в России в середине 90-х гг. XX в. составляла от 7 до 10%, в 2002 г. – 10–14%, в 2010 г. – 13–17%, в 2015 г. – 17% [3]; по данным Росстата 2020 г., количество «гражданских» браков составляло только 4,43% от общего количества населения старше 16 лет, возможно, это обусловлено высоким процентом россиян, не ответивших на вопрос о своем брачном статусе (15,39%)¹.

Явление сожительства не является для общества новым. По одной из теорий, оно имеет следующие стадии трансформации:

1. малочисленная девиация, встречаемая среди высокообразованных людей, которые в прошлом имели опыт брака;
2. вариация пробного брака;

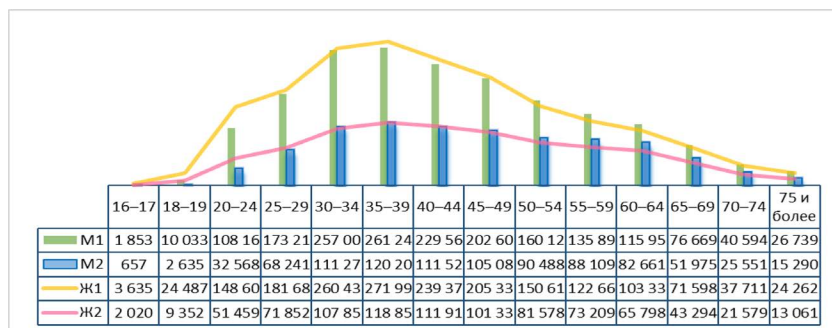
¹ https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake

3. постоянное партнерство, рассматривающееся как альтернатива брака;

4. аналог законного брака [цит. по 10].

White, Klein, напротив, именно девиации наделяют систематическими чертами, видя в них источник социальных изменений, связанный с постепенным превращением в норму, в то время как вариации относят к случайному отклонению [цит. по 2]. Т.А. Гурко к девиациям относит добрачный секс, заключение брака вследствие беременности женщины, симметричное распределение семейных ролей, к вариациям – внебрачные рождения, сожительства [2].

70% молодежи мечтает о встрече с любимым человеком и только 40% – о создании семьи [13]. Распространенность партнерств обусловлена устранением гендерных различий в половой морали, применением средств контрацепции, превращением добрачных связей в новую норму [12; 17], урбанизацией [3; 19], когда проживание в городе дает иллюзию анонимности. Данные выводы отчасти согласуются с результатами Росстата (см. рис. 1).

Рис. 1. Распространенность сожительства среди разных возрастных групп населения РФ (данные Росстата за 2020 г.)¹

Обозначения: M1 – мужчины, проживающие в городе, и состоящие в незарегистрированном союзе; M2 – мужчины, проживающие в сельской местности, и состоящие в незарегистрированном союзе; Ж1 – женщины, проживающие в городе, и состоящие в незарегистрированном союзе; Ж2 – женщины, проживающие в сельской местности, и состоящие в незарегистрированном союзе.

¹ https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake

Несмотря на субъективный характер показателей о брачном статусе (сведения, получаемые от опрашиваемых, не сверяются с официальными документами), очевидные трудности сбора данных в период пандемии, невключение в анкетирование большого количества людей из мегаполисов, сведения Росстата позволяют сделать ряд предварительных заключений:

1. количество мужчин, сообщившее, что они никогда не были женаты, составило 10 864 218 чел., незамужних женщин – 8 770 259 чел.
2. В незарегистрированном союзе состояли 2 705 926 мужчин и 2 718 898 женщин при преобладании конкубинатов среди городского населения (см. рис. 1, табл. 1).
3. Число мужчин, не указавших брачный статус – 8 467 049 чел., женщин – 10 390 666 чел.
4. Об официальном брачном статусе заявили 27 227 496 мужчин и 27 409 054 женщин.
5. Данные о численности партнерств позволяют резюмировать женское «лидерство» во взгляде на добрачные отношения: количество конкубинатов резко возрастает от 16 к 30 г., обнаруживая максимальные значения к 35–39 г. (см. рис. 1).
6. После 50 лет сокращается численность женщин, предпочитающих конкубинат.
7. При почти идентичных значениях официальных сведений о распространенности браков и сожительства, женщины чаще наделяют себя семейным статусом.
8. Зарегистрированные браки, сожительства, безбрачный статус, как и число людей, не ответивших на вопрос о своем семейном положении, достоверно преобладают среди городского населения (табл. 1).

В данных Росстата нет сведений для сравнения уровня образования партнеров; из дополнительных итоговых таблиц «Об образовании»¹ становится очевидно, что в России именно женщина имеет более высокий уровень образования, хотя достоверные различия выявляе-

¹ https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom3_Obrazovanie

ны только для двух уровней: высшая квалификация и высшее образование (см. табл. 2).

Таблица 1.

Различия в брачном статусе

Место проживания	Брачный статус	Н	p-уровень
Город	Зарегист. брак	15.21	0.0001
Сел.м.			
Город	Сожительство	8.32	0.0039
Сел.м.			
Город	Не состоящие в	8.89	0.0029
Сел.м.	браке		
Город	Не указавшие	41.26	0.0000
Сел.м.	брачный статус		

Обозначения: Н–критерии Краскела-Уоллиса. Данные рассчитаны автором по сведениям Росстата.

Таблица 2.

Гендерные различия в уровне образования

Перемен.	Женщ. Сум. ранг	Муж. Сум. ранг	U	p-уровень
В. кв. (гор.)	163	90	24	0.0157
ВО (гор.)	156	97	31	0.0556
ВО (сел.м.)	159	94	28	0.0335

Обозначения: В.кв. – кадры высшей квалификации, ВО – высшее образование, гор. – город, сел.м. – сельская местность, U – критерии Манни-Уитни. Данные рассчитаны автором по сведениям Росстата.

Высокий уровень образования женщины, исследователи нередко рассматривают как причину одиночества – имея достаточный доход, она гораздо меньше стремится к браку и материнству [6; 8; 13; 19; 21]; напротив, чем ниже уровень образования, тем чаще люди выбирают конкубинат [3; 8; 18; 20].

Методология и методы исследования

Объект исследования: незарегистрированный брак.

Предмет изучения: представления респондентов о внебрачном союзе.

Гипотеза исследования: выбор незарегистрированного союза определяется предшествующим влиянием родительской семьи, уровнем образования, материальным положением, значимостью отношений с партнером, собственной психологической зрелостью.

В исследовании приняло участие 242 человека в возрасте от 19 до 65 лет, из них 110 юношей и мужчин (32.4 ± 2.4), 132 девушки и женщины (29.7 ± 1.7).

Банк психодиагностических методик, используемых в исследовании: «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда в адаптации Т.В. Румянцевой, «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера в адаптации Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда, «Смысложизненные ориентации» Дж. Крамбо, Л. Махолика в адаптации Д.А. Леонтьева, «Рольевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волковой.

С помощью опроса были выявлены сведения о возрасте, уровне образования, материальном и семейном положении, составе родительской семьи, включая отношение респондентов к брачному статусу и родительству, мнение о незарегистрированном браке.

Для обработки данных использовался корреляционный анализ, непараметрический ϕ -критерий Фишера.

Результаты исследования

Исследуемая выборка неоднородна по уровню образования: 42.1% имеет общее среднее образование, 27.7% – среднее профессиональное, 30.2% – высшее; гендерные различия в уровнях образования не выявлены.

Подавляющая часть выборки (95%) совмещает трудовую деятельность с учебно-профессиональной, однако недовольны собственным материальным положением – 73.9% участников. 88.8% респондентов готовы отдать своему спутнику роль лидера в семье, если он обладает высоким материальным статусом; во взглядах респондентов по данному вопросу отсутствуют гендерные различия.

40.5% респондентов состоят в зарегистрированном браке (брачный стаж – 1.6 ± 1.2 лет), 47.9% – во внебрачном союзе (внебрачный стаж – 2.7 ± 1.9 лет), 11.6% – одиноки. Каждый пятый респондент имеет детей, планирует – каждый третий.

66.1% респондентов выросли в неполной родительской семье (развод родителей, вдовство, материнская, внебрачная семья), 33.9% – в полной семье ($\phi = 1.69$, $p \leq 0.046$). Значительная часть респондентов (70.7%) оказалась единственным или последним ребенком в родительской семье ($\phi = 1.66$, $p \leq 0.048$).

Качественный анализ результатов опроса позволил выявить мотивы предпочтения незарегистрированного брака (см. табл. 3).

Таблица 3.

Мотивы выбора конкубината

Мотивы выбора	%
Экономическая защищенность	84.3
«Быть как все»	73.9
Избавиться от одиночества	71.9
Сексуальные потребности	67.8
Эмоциональная поддержка	64.9
Удержат партнера любыми средствами	62.4
Любовь к партнеру	42.6

Подавляющая часть выборки видит ценность конкубината в экономическом мотиве, предполагающем решение финансовых, жилищных и социально-бытовых проблем; наименьшее место в данной иерархии занимает любовь к партнеру.

Молодые женщины и мужчины при выборе незарегистрированного союза больше ориентированы на удовлетворение собственных интересов (экономических, карьерных, интимно-личностных). После 37 лет была отмечена тенденция к созданию внебрачного сожительства из-за одиночества, социального давления, необходимости эмоциональной поддержки.

Женщины и мужчины неоднозначно оценивают желаемый брачный статус: 35.6% женской выборки устраивает партнерство, 64.4% – выступает за официальный брак ($\phi = 2.87$, $p \leq 0.001$), с чем согласны 24.5% мужской выборки.

Большая часть женской выборки мотивирована на стабильные отношения и материнство, поэтому внебрачный союз рассматривает как предваряющую ступень законного брака, необходимого

для будущего ребенка. Молодежная выборка высказывает мнение о желании официально зарегистрировать брак после 30 лет, чтобы состояться профессионально и «пожить для себя».

Рассмотрим результаты корреляционного анализа, выполненного в подгруппе респондентов, состоящих в незарегистрированном браке (см. табл. 4).

Таблица 4.

Психологический выбор личности, состоящей во внебрачной связи

Шкалы	Интимно-сексуальная	Личностная идентификация с супругом	Ожидание помощи в реализации хозяйственно-бытовых нужд	Собственная социальная активность	Эмоциональная поддержка со стороны партнера
Соц. иден.			0.41	0.44	
Личн. иден.		-0.42			
Самооценка	-0.37				
Цели в жиз.				-0.39	
Пр. жизни	-0.45	-0.35	0.41		
Ид			-0.47	0.49	
Ин		0.59			0.43
Ип				0.54	
Ис	-0.4		-0.52		-0.38

Примечание. В таблице представлены значения на уровне достоверности $p \leq 0.01$.

Обозначения: Соц. идент. – социальная идентичность, Личн. идент. – личностная идентичность, Цели в жиз. – цели в жизни, Пр. жизни – процесс жизни, Ид – интернальность достижений, Ин – интернальность неудач, Ип – интернальность в производственной сфере, Ис – интернальность в семейных отношениях.

Отношения в конкубinate далеки от эгалитарных, т.к. ожидания расходятся с притязаниями. Сожительствующие партнеры наделяют друг друга объективными характеристиками, т.к. видят необходимость отношений в осуществлении хозяйственно-бытовых нужд и сексуальных потребностей, эмоциональной поддержке, но только в случае неудач. Собственный выбор спутника (спутницы) воспринимают как ошибочный, поскольку идентификация с партнером носит негативный характер. В семейной сфере респондент экстерналиен. Данная личность ориентирована на профессиональную самореализацию, тем не менее, не имеет четких целей в жизни, не

удовлетворена настоящим. Для сравнения рассмотрим личность, состоящую в зарегистрированном браке, которым согласно данным опроса (19.8%) она удовлетворена (см. табл. 5).

Таблица 5.

Психологический выбор личности, состоящей в официальном браке

Шкалы	Ин- тимно- сексу- альная	Лич- ностная иденти- фикация с супру- гом	Самосто- ятельная реализация хозяйствен- но-бытовых нужд	Реали- зация роди- тельской функции	Собствен- ная со- циальная актив- ность	Соб- ственная эмоцио- нальная поддержка партнера
Соц. иден.				0.48	0.6	0.47
Личн. иден.	0.42	0.51	-0.39	0.36		
Само- оценка	0.37			0.58	0.53	
Цели в жиз.		0.44			0.64	
Лк- жизнь			0.5	0.34	0.47	
Ио	0.55		0.48	0.4		0.52
Ид	0.46	0.49		0.37	0.51	
Ин				-0.49	-0.4	
Ип					0.61	
Ис		0.58		0.47		0.54

Примечание. В таблице представлены значения на уровне достоверности $p \leq 0.01$.

Обозначения: Соц. идент. – социальная идентичность, Личн. идент. – личностная идентичность, Цели в жиз. – цели в жизни, Лк-жизнь – локус контроля – жизнь, Ио – общая интернальность, Ид – интернальность достижений, Ин – интернальность неудач, Ип – интернальность в производственной сфере, Ис – интернальность в семейных отношениях.

Согласно данным исследования, для человека значима профессиональная самореализация, однако не меньшую ценность составляет родительство; он удовлетворен выбором спутника жизни, с которым разделяет собственные переживания. Данная личность имеет четкие цели в жизни, уверена в возможности самостоятельно управлять своей судьбой. Психологическая удовлетворенность браком дает уверенность в собственных силах, положительно сказываясь на отношениях с брачным партнером, желании разделять родительские функции.

Обсуждение результатов

Молодость люди нередко рассматривают как ресурс, который можно использовать для быстрого социального и экономического старта. Меньшая прагматичность свойственна людям зрелого возраста, возможно потому, что изменился не только внешний вид, но сформировались стабильные представления о себе как о профессионале, личности, социальном индивиде, делая позиции взрослого человека более «сглаженными», конформными.

Готовность к внебрачным отношениям при не сложившейся личной жизни возрастает после 37 лет. По мнению О.Г. Исуповой, стремление к брачным отношениям (после 30 лет) или внебрачному союзу (после 35 лет) демонстрируют только женщины [6]. Выводы, близкие к нашим результатам, получены и Росстатом. М. Reid, А. Golub, Р. Vazan также выявили, что пик внебрачных отношений приходится на возраст 30–49 лет [20]. Определяющими причинами его создания являются экономические и социальные мотивы, связанные с реализацией хозяйственно-бытовых и воспитательных функций [10; 20].

Декларируемое гендерное равенство не приводит к одинаковой оценке выборкой брачного статуса: большинство женщин предпочитает замужество, в то время как мужчины выступают за неофициальный союз. Вероятно, установка на замужество является тем гендерным стереотипом, который, по-прежнему, актуален для менталитета российской женщины. Замужество, особенно для женщин, имеющих невысокий уровень образования, выступает «статусным продвижением» по сравнению с конкубинатом [6].

Подавляющая часть выборки продемонстрировала желание уступить лидерство партнеру при его финансовой состоятельности. По-видимому, это обусловлено не только возрастом и уровнем образования (превалирующий уровень – средний), но и двойной нагрузкой – трудовой и учебно-профессиональной.

Материальный фактор обладает «гендерной инверсией» для брачного статуса: если мужчина избегает женитьбы из-за низкого дохода, то женщина – напротив, из-за удовлетворенности финансовым по-

ложением [8], поэтому типичным явлением становится мезальянс, вызванный, чаще всего, женитьбой состоявшегося (обычно пожилого) мужчины на юной спутнице [5].

Возвращаясь к представленным выше данным Росстата о более высоком уровне образования женщины, дополненными сведениями о нежелании успешной женщины к статусу жены и матери [6; 8; 13; 19; 21], как будто следует вывод о решении демографической проблемы через сокращение социальных лифтов, создание искусственных препятствий для получения женщиной образования, возрождение патриархата. С нашей точки зрения, данные результаты можно объяснить предшествующим опытом насилия, с которым сталкивается менее защищенный партнер в незарегистрированном союзе [6; 16]. От разных видов насилия не защищен и официальный брак, например, когда женщина является домохозяйкой или находится в декретном отпуске [9; 15].

Малодетность, бездетность — распространенные явления, свойственные не только конкубинату, но и гражданскому браку. Репродуктивные заявления наших респондентов, состоящих в зарегистрированном браке, скорее носят идеальный характер, учитывая отсутствие детей у большей части данной группы. Кроме того, они имеют меньший брачный стаж, что также могло способствовать более продуктивному психологическому климату в семейных отношениях.

Одной из причин малодетности молодежь называет желание найти подходящего партнера [13]. О.В. Гокова, А.М. Кисилева, установили причины, ингибирующие репродуктивные установки молодого поколения разных стран: французы предпочли родительству учебу и желание пожить какое-то время для себя; немцы сходны с французами, но кроме ориентации на построение карьеры и отдых, хотели бы сохранить автономию от партнера; россияне сообщали об отсутствии собственного жилья и неуверенности в завтрашнем дне [1]. Именно поэтому малоэффективны ипотечные программы, ориентированные на рост рождаемости, поскольку часто сопровождаются бюрократическими ограничениями в возможности получить льготную ипотеку, предполагают стабильный и высокий уровень

дохода, наличие хотя бы одного ребенка, длительность кредитных отношений [14]. Постоянный стресс отрицательно скажется на физическом и психическом здоровье, причем наиболее неблагоприятные последствия окажутся более выраженными среди партнеров «гражданского» брака [2; 8; 11; 13].

Подавляющая часть исследуемой выборки выросла в неполной семье, кроме того, они оказались единственным или последним ребенком в родительской семье, что могло повлиять на формирование представлений о семье и ее функциях, включая желание стать родителем. Н.Н. Мелихова отмечает, что наиболее сложно партнерские отношения складываются между выросшими единственными детьми, что обуславливает предпочтения конкубината официальному браку или высокий риск разводов [11]. Нежелание заключать официальный брак, вызвано психологической неготовностью к ответственности за собственную семью [6; 11].

Заключение

1. Люди психологически готовы к внебрачным отношениям, если личная жизнь не сложилась к 37 годам.

2. Незарегистрированный союз характеризуется неясностью статуса партнеров, эмоциональной нестабильностью, большей ориентацией на собственные интересы.

3. В незарегистрированном браке сожители продемонстрировали объектное восприятие партнера, который нужен для улучшения финансовых условий и быта, удовлетворения интимно-сексуальных потребностей, поддержки, но лишь в случае собственных неудач.

4. Выбор незарегистрированного брака зависит от удовлетворенности человека материальным положением и степени интернальности. Тенденция к малодетности и легкой смене партнера, чаще всего, является калькой с родительской семьи.

5. Молодежная выборка продемонстрировала желание позднего вступления в официальный брак (после 30 лет).

6. По-видимому, характеристики семейных и сожительствующих респондентов будут более однородными, когда люди выбира-

ют партнера по меркантильным соображениям, что и обуславливает субъективную неудовлетворенность, легкость разрыва отношений, малую значимость брачных и семейных ценностей.

7. Популярность конкубинатов связана не столько с уровнем образования, сколько с низким уровнем жизни и социальной нестабильностью, потребительским взглядом на семью.

Список литературы

1. Гокова, О. В., & Кисилева, А. М. (2016). Вопросы управления демографическим развитием в РФ, Франции и Германии: сравнительное исследование репродуктивных установок и отношения молодёжи к институту брака. *Вопросы управления*, 2(20), 68–75.
2. Гурко, Т. А. (2021). Эволюция и трансформация института брака: анализ эмпирических индикаторов. *Социологические исследования*, (5), 58–69. <https://doi.org/10.31857/S013216250014117-1>
3. Егорова, Н. Ю., & Воронин, Г. Л. (2017). Модель определения формы супружества: социально-демографические факторы. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 3(47), 71–78.
4. Закирова, Т. В., & Переселкова, З. Ю. (2022). Трансформация института семьи в контексте ценностей либерализма. *Вестник Удмуртского университета*, 32(4), 359–366. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2022-32-4-359-366>
5. Залесский, Г. В., & Кузьмина, Ю. В. (2012). Разновозрастные браки: психологические проблемы. *Сибирский психологический журнал*, (43), 107–115.
6. Исупова, О. Г. (2015). Российские консенсуальные союзы начала XXI века (по данным международного сравнительного исследования). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2(125), 153–164. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.10>
7. Кobleva, Z. X. (2023). Гендерные установки в условиях незарегистрированных форм брака. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*, 15(2), 122–129. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-2-122-129>

8. Копнова, Е. Д., Родионова, Л. А., & Иванова, М. А. (2023). Статистический анализ факторов брачного статуса в России с учётом возраста и пола. *Демографическое обозрение*, 10(4), 152–187. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18812>
9. Кочеткова, Т. Н. (2015). Ожидания и притязания супругов. *В мире научных открытий*, 3.1(63), 847–862.
10. Лактюхина, Е. Г., & Антонов, Г. В. (2015). «Мы просто живём вместе»: сожительство в современной России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 18(4), 82–95.
11. Мелихова, Н. Н. (2010). Созависимость: к психологии отношений супругов в незарегистрированном браке. *Вестник Казанского технологического университета*, (3), 95–102.
12. Рачипа, А. В., Самыгин, С. И., & Верещагина, А. В. (2016). «Гражданский брак» в России: причины и последствия распространения в молодёжной среде. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, (8–9), 122–126.
13. Хачатрян, Л. А. (2011). Современный брак — результат эволюции семейно-брачных отношений. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 1(5), 89–100.
14. Ярашева, А. В., & Макаp, С. В. (2024). Семейная ипотека как один из инструментов демографической политики. *Народонаселение*, 27(S1), 177–189. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-177-189>
15. Al-Hawari, H., & El-Banna, A. (2017). A medicolegal study of domestic violence in south region of Jordan. *Egyptian Journal of Forensic Sciences*, 7(1), 5. <https://doi.org/10.1186/s41935-017-0006-x>
16. Brownridge, D. A. (2009). Cohabitation, marriage, and men's intimate partner violence victimization. *The Open Criminology Journal*, (2), 10–17. <https://doi.org/10.2174/1874917800902010010>
17. Caltabiano, M., Castiglioni, M., & De-Rose, A. (2020). Changes in the sexual behaviour of young people: introduction. *Genus*, (76), 38. <https://doi.org/10.1186/s41118-020-00107-1>
18. Harder, L. (2007). Rights of Love: the state and intimate relationships in Canada and the United States. *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*, 14(2), 155–181. <https://doi.org/10.1093/sp/jxm009>

19. Muhoza, D. N. (2022). Fertility transition in Rwanda: what does the trend in nuptiality reveal? *Genus*, (78), 4. <https://doi.org/10.1186/s41118-022-00152-y>
20. Reid, M., Golub, & Vazan, P. (2014). Cohabiting partners and domestic labor in low-income black families. *Journal of African American Studies*, (18), 470–484. <https://doi.org/10.1007/s12111-014-9285-6>
21. Sandström, G., Padyab, M., & Noguchi, H. et al. (2023). Convergence and persistent contrasts in the determinants of working-age women in Sweden and Japan living alone since the 1990s. *Genus*, (79), 11. <https://doi.org/10.1186/s41118-023-00192-y>

References

1. Gokova, O. V., & Kisileva, A. M. (2016). Issues of demographic development management in the Russian Federation, France, and Germany: A comparative study of reproductive attitudes and youth's attitudes towards the institution of marriage. *Management Issues*, 2(20), 68–75.
2. Gurko, T. A. (2021). Evolution and transformation of the institution of marriage: An analysis of empirical indicators. *Sociological Research*, 5, 58–69. <https://doi.org/10.31857/S013216250014117-1>
3. Egorova, N. Yu., & Voronin, G. L. (2017). Model for determining the form of matrimony: Socio-demographic factors. *Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*, 3(47), 71–78.
4. Zakirova, T. V., & Pereselkova, Z. Yu. (2022). Transformation of the family institution in the context of liberal values. *Bulletin of Udmurt University*, 32(4), 359–366. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2022-32-4-359-366>
5. Zalessky, G. V., & Kuzmina, Yu. V. (2012). Age-gap marriages: Psychological problems. *Siberian Psychological Journal*, 43, 107–115.
6. Isupova, O. G. (2015). Russian consensual unions at the beginning of the 21st century (according to international comparative research data). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2(125), 153–164. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.10>
7. Kobleva, Z. Kh. (2023). Gender attitudes in the context of unregistered forms of marriage. *Bulletin of Maikop State Technological University*, 15(2), 122–129. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-2-122-129>

8. Kopnova, E. D., Rodionova, L. A., & Ivanova, M. A. (2023). Statistical analysis of marriage status factors in Russia, considering age and gender. *Demographic Review*, 10(4), 152–187. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18812>
9. Kochetkova, T. N. (2015). Expectations and claims of spouses. *In the World of Scientific Discoveries*, 3.1(63), 847–862.
10. Laktyukhina, E. G., & Antonov, G. V. (2015). “We just live together”: Cohabitation in modern Russia. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 18(4), 82–95.
11. Melikhova, N. N. (2010). Codependency: Towards the psychology of relationships in unregistered marriages. *Bulletin of Kazan Technological University*, 3, 95–102.
12. Rachipa, A. V., Samygin, S. I., & Vereshchagina, A. V. (2016). “Civil marriage” in Russia: Causes and consequences of its spread among youth. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 8–9, 122–126.
13. Khachatryan, L. A. (2011). Modern marriage — the result of the evolution of family and marriage relations. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 1(5), 89–100.
14. Yarasheva, A. V., & Makar, S. V. (2024). Family mortgage as one of the tools of demographic policy. *Population*, 27(S1), 177–189. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-177-189>
15. Al Hawari, H., & El Banna, A. (2017). A medicolegal study of domestic violence in south region of Jordan. *Egyptian Journal of Forensic Sciences*, 7(1), 5. <https://doi.org/10.1186/s41935-017-0006-x>
16. Brownridge, D. A. (2009). Cohabitation, marriage, and men’s intimate partner violence victimization. *The Open Criminology Journal*, 2, 10–17. <https://doi.org/10.2174/1874917800902010010>
17. Caltabiano, M., Castiglioni, M., & De Rose, A. (2020). Changes in the sexual behaviour of young people: Introduction. *Genus*, 76, 38. <https://doi.org/10.1186/s41118-020-00107-1>
18. Harder, L. (2007). Rights of Love: The state and intimate relationships in Canada and the United States. *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*, 14(2), 155–181. <https://doi.org/10.1093/sp/jxm009>

19. Muhoza, D. N. (2022). Fertility transition in Rwanda: What does the trend in nuptiality reveal? *Genus*, 78, 4. <https://doi.org/10.1186/s41118-022-00152-y>
20. Reid, M., Golub, & Vazan, P. (2014). Cohabiting partners and domestic labor in low income black families. *Journal of African American Studies*, 18, 470–484. <https://doi.org/10.1007/s12111-014-9285-6>
21. Sandström, G., Padyab, M., & Noguchi, H. et al. (2023). Convergence and persistent contrasts in the determinants of working age women in Sweden and Japan living alone since the 1990s. *Genus*, 79, 11. <https://doi.org/10.1186/s41118-023-00192-y>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кочеткова Татьяна Николаевна, кандидат психологических наук,
доцент, доцент кафедры педагогики и психологии экстремальных ситуаций

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

ул. Московская, 149, г. Санкт-Петербург, 196105, Российская Федерация

Tatnik2021@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tatiana N. Kochetkova, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Extreme Situations

Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

149, Moskovskaya Str., Saint Petersburg, 196105, Russian Federation
SPIN-code: 8087-4835

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2782-4520>

ResearcherID: K-2221-2016

ResearchGate: https://www.researchgate.net/profile/Tatiana-Kochetkova-5?ev=hdr_xprf

Поступила 20.08.2025

После рецензирования 29.08.2025

Принята 04.09.2025

Received 20.08.2025

Revised 29.08.2025

Accepted 04.09.2025